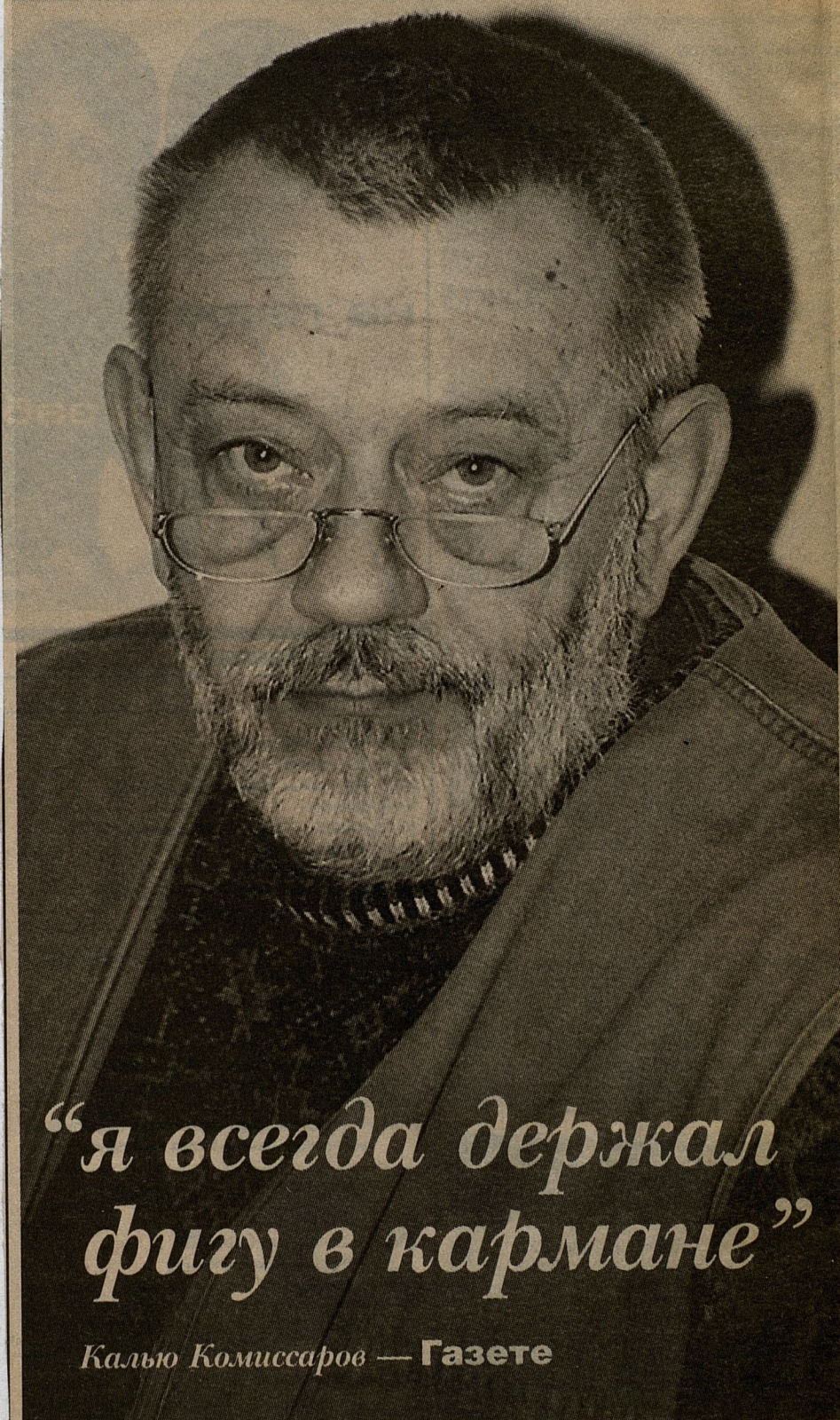

“я всегда держал фигу в кармане”

Калёно Комиссаров — Газете

Единственный спектакль, за который Калёно Комиссарова в советские годы не критиковали партийные органы назывался «Терем-теремок»

Сегодня в петербургском театре «Балтийский дом» состоится премьера спектакля «Сон в летнюю ночь», который поставил знаменитый эстонский режиссер Калёно Комиссаров по одноименной комедии Уильяма Шекспира. С Калёно Комиссаровым накануне премьеры встретился Сергей Ильченко.

Мы не слишком хорошо знаем, что сегодня происходит в эстонском театре. Сохраняется ли та высокая планка, которая была задана в семидесятые годы вашим учителем Вольдемаром Пансо? Все наши усилия в Эстонии направлены на то, чтобы поддержать те традиции, которые закладывались Вольдемаром Пансо. Я прекрасно помню времена, когда в Таллин на спектакли моего учителя приезжали целые бригады критиков из Москвы и Ленинграда. Нынче действует уже третье по счету поколение эстонских режиссеров в театре.

Вы себя к какому поколению причисляете? Давайте считать: Тооминг, Хермакуля — фамилии режиссеров моего поколения, а Эльмо Нюганен — уже представитель младшего поколения.

Зрители в Эстонии ходят в театр? К сожалению, гораздо меньше, чем в советские времена. В те годы был не такой уж большой выбор, куда ходить. После того как мы стали независимыми, посещаемость театров в Эстонии резко упала. Судите сами: население республики было полтора миллиона человек, а общая посещаемость театров за год во времена СССР составляла один миллион шестьсот тысяч человек. То есть на каждого гражданина Эстонии приходилось более одного посещения театра в год. Мы вряд ли сможем достичь этого уровня сейчас. Хотя зрители постепенно возвращаются в театр.

Как чувствует себя в Эстонии Русский драматический театр? Он будет существовать в Таллине до тех пор, пока в Эстонии существует театр.

В прежние времена театральные связи прибалтийских республик с Россией были очень крепки, а сегодня?

Сейчас не так просто организовать гастроли из Эстонии в Петербург, хотя между нами всего лишь несколько сотен километров. Я прекрасно помню, как мы с Молодежным театром Эстонии приезжали на гастроли в Ленинград. Выступали в ДК имени Дзержинского, где, как помню, показывали «В ожидании Годо» Сэмюэля Беккета. Кстати, могу гордиться тем, что мы были первыми, кто поставил эту классическую пьесу XX века в Советском Союзе. За что нас, как всегда, критиковали. Ваш покорный слуга оказался тем ответственным лицом, с которого требовали соблюдать идеологические нормы в отношении текущего репертуара. Тогда же мы показывали и спектакль по пьесе Матти Унта «Генеральная репетиция». Что тоже не вызвало восторга ни у эстонского начальства, ни у ленинградского.

Теперь препятствия не идеологические, а экономические. Цены выросли так, что нам подобные гастроли, как коллективу, не по карману. В Эстонии совсем другое правительство, что означает новые правила игры, которым должны следовать все без исключения. В прошедшее воскресенье прошли парламентские выборы, на которых победители правые.

Что делает известный режиссер Калёно Кийск, ваш тезка?

Он жив-здоров. Не знаю: будет ли он сидеть в новом парламенте или нет, потому что он был депутат прежнего. Как актер он меньше работал в последние годы. Однако вот уже десятый год в Эстонии идет популярный телесериал «Улица счастья, дом номер 13». В нем одну из главных ролей играет Калёно Кийск. Его герой — бывший сапожник — живет в нынешней Эстонии.

Как живет эстонское кино?

В год выпускаются один-два фильма.

В иные, почти свободные от цензуры времена, вы обращались к вещам сугубо идеологическим. Вы ставили «Процесс» Эббе Мана и «Люди, я любил вас» по произведению Юлиуса Фучика...

В этот список можно добавить и «Оптимистическую трагедию».

Обращение к такого типа драматургии было продиктовано потребностью разобратся в данной идеологии?

Конечно, было и это. Но, с другой стороны, я старался искренне верить в то, что я играл и ставил. Особенно когда ставили пьесы Михаила Шатрова. У нас, в Эстонии, не все его пьесы вызывали однозначный восторг. Даже тот вариант текста «Синих коней на красной траве», который мы утаили от цензоров и исполнили во время спектакля, воспринимался эстонскими зрителями как слишком авангардный.

Как известно, в «Оптимистической трагедии» был совсем другой финал, который не был одобрен важными деятелями искусства и литературы. Мы же позволили себе играть пьесу Вишневского в не каноническом варианте.

Насколько я знаю, вас всегда преследовали цензура. Теперь кивать не на кого.

Единственный спектакль, за который мне не объявили взыскание, была постановка «Три поросенка». В нем использовалась музыка из фильмов Диснея. Естественно, что при приеме спектакля меня критиковали за использование чуждой советскому народу западной музыки.

Помнится, был еще и всесоюзный скандал, связанный с постановкой пьесы Петрушевской «Дорогая Елена Сергеевна». Об этом нынче можно вспоминать с улыбкой, но в начале 80-х годов за постановку такой пьесы можно было запросто получить «волчий билет». Людю Разумовскую, автора этой пьесы, товарищ Шауро, заведующий отделом культуры ЦК КПСС, запер однажды в своем кабинете на Старой площади и потребовал написать отказ от претензий на постановку.

А существовал спектакль, за который вас не критиковали партийные органы? Конечно, это был «Терем-теремок». Во всех остальных случаях меня подозревали в антисоветчине, и не без основания. Я всегда, когда ставил спектакль, мысленно держал фигу в кармане в адрес советской власти. Тогдашний министр культуры Советского Союза товарищ Демичев однажды сказал по поводу постановок Молодежного театра Эстонии, которым я руководил: «Этот коллектив опустился до того, что поставил спектакль под названием «В ожидании Гада».

Имелось в виду «В ожидании Годо» Беккета?

Да. Но нам от этого было отнюдь не легче.

Антифашистская тема что-то значит для вас?

В советские времена мы должны были иметь подобные спектакли в своем репертуаре. Кто-то ставил их формально, что называется, для «галочки». Но для меня всегда эта тема была однозначно важна. Это на сегодня — одна из самых сложных проблем. Я вижу, как ведут себя на улицах некоторые молодые люди, которые не любят то, что было у нас в течение сорока лет после Второй мировой войны. И с ними очень трудно совладать.

Давайте перейдем к грядущей премьере. Понимаю, что я не первый, кого интересуют мотивы выбора Романа Трахтенберга на одну из главных ролей.

Это было предложение театра — посмотреть Романа. Мы вместе посмотрели его. И он мне понравился. Роман справляется со своей ролью. Он очень обязательный и очень точный человек. С ним очень удобно работать.

Отличаются ли русские артисты от эстонских?

Конечно, мне удобнее работать со своими земляками. Они более рационально и прагматично относятся к процессу репетиций. Но и с актерами «Балтийского дома» мы находим общий язык. Российские актеры в меру возможности стремятся самовыразиться в любой роли. Хотя мне кажется, что эта традиция — не более чем миф, поддерживаемый самими актерами. Потому что актер всегда был и будет инструментом в руках режиссера, хочется ему этого или нет.

Вы намерены поставить в Петербурге что-нибудь еще?

Пока не знаю. Я уже «забросил удочку» в отношении ряда актеров. Жду ответа.

Какого зрителя в зале вы хотите видеть на премьере своего спектакля?

Конечно, молодых людей. Чтобы они понимали: воры и убийцы — не самые главные персонажи нашей жизни. Все решает интеллект и возможности восприятия жизни с лучшей стороны.

То есть получается «оптимистическая комедия»?

По духу — да, но не на сцене, а в зале.